

М. Горькій о національныхъ вопросахъ.

Издающійся въ Москвѣ ежемѣсячный журналъ „Украинская Жизнь“ предпринялъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ анкету по вопросу объ отношеніи разныхъ группъ прогрессивной русской интеллигенціи къ украинскому національному движенію. Обширная программа этой анкеты, составленная при участіи видныхъ украинскихъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, была разослана многимъ русскимъ писателямъ, журналистамъ, членамъ Думы и т. д.

До настоящаго времени на анкету откликнулось около двадцати лицъ, въ томъ числѣ М. Горькій, приславшій „Украинской Жизни“ цѣлую статью на затронутую редакціею тему.

Сознаваясь въ недостаточно полномъ знакомствѣ съ украинскимъ вопросомъ и не касаясь поэтому его частныхъ, М. Горькій останавливается надъ общими принципами, определяющими, по его мнѣнію, мировоззрѣніе русской демократической интеллигенціи въ области національныхъ проблемъ.

„Русскій интеллигентъ-демократъ,—говоритъ М. Горькій,—никогда не считалъ себя человѣкомъ, призваннымъ командовать племенами, входящими въ составъ его имперіи; онъ одинаково упорно и безкорыстно работалъ во всѣхъ кругахъ пестраго населенія Россіи, и поскольку это населеніе сознаетъ свое культурное единство, свои социальные права, этимъ сознаниемъ оно обязано только работѣ демократической интеллигенціи.

„Поднятый нынѣ г. Струве и раздуваемый московско-русскою мыслью шумъ о „Великой Россіи“ я считаю безусловно вреднымъ: онъ направленъ противъ одной изъ немногихъ устойчивыхъ традицій нашей демократической интеллигенціи; при той перевоз-

ности и растерянности, которыя обуяли ее этот дрянной шумъ можетъ вызвать болѣзненные раздраженія, можетъ послужить,—и едва ли уже не служить,—причиною возникновенія совершенно излишнихъ и пагубныхъ споровъ, а такимъ образомъ способенъ задержать благодатный ростъ сознанія русскимъ народомъ единства его политическихъ задачъ.

„Далѣе. Мое знаніе великорусской народности и знакомство съ ея исторіею не даютъ мнѣ увѣренности въ томъ, что эта народность обладаетъ исключительными талантами въ дѣлѣ государственнаго строительства.

„Говорятъ: „именно эта народность создала обширѣйшее государство въ мірѣ“.

„Но требуется сказать,—эта ли единолично, и создано ли государство?

„Я думаю,—не одна „эта“, ибо въ дѣлѣ созданія русской культуры Кіевская Русь принимала участіе не меньшее, чѣмъ сѣверные, и на протяженіи всей исторіи нашей происходилъ и происходитъ братскій обменъ духовныхъ силъ. Князь Данило Галицкій былъ больше русскимъ и вѣрнѣе понималъ интересы націи, чѣмъ московскій князь Александръ: первый, чувствуя себя европейцемъ, собиралъ южанъ на борьбу съ ордою за культуру, а второй, отдавъ весь русскій сѣверъ въ ясакъ хану, самъ ѣздилъ по русской землѣ съ татарами, дани собиралъ, наводилъ татарскій погромъ на суздальскія земли брата своего Андрея, выгналъ изъ Пскова сына Василия за то, что онъ отказался платить хану дань. „Русичи, солнцевы внуки“, не въ Москвѣ жили, а въ Кіевѣ да въ Галичѣ; люди вольнаго Новгорода были духовно ближе веселому Югу, а не угрюмой Москвѣ, „отемнѣвшей душу боязнью разума, гонимаго, яко бы зло духъ“.

„И очевидно, что „государство“ еще не создано, иначе затѣмъ бы проповѣдывать необходимость построения „Великой Россіи“?

Переходя затѣмъ къ существу національно-областныхъ вопросовъ, писатель заявляетъ:

„Уродливо разсѣянный географически густо прослоенный чуждыми по крови племенами, еще менѣе культурными, чѣмъ самъ онъ, почти лишенный, подъ вліяніемъ удѣльных неурядицъ, чувства своего племенного единства, русскій народъ всегда понималъ необходимость областной самостоятельности, областного самоуправления: современные „сепаратизмы“ являются оправданнымъ исторіею естественнымъ стремленіемъ къ свободѣ дѣянія.

„Каждое племя есть источникъ неисчислимыхъ возможностей обогащенія жизни энергіею духа, и необходимо въ интересахъ быстрѣйшаго роста міровой культуры, чтобы эта энергія развивалась нормально, втекала въ жизнь—на счастье и радость намъ—при условіи наибольшей свободы.

„Демократія можетъ признать законнымъ и естественнымъ только одинъ видъ ассимиляціи—ассимиляцію на почвѣ общечеловѣческой культуры, которая нынѣ становится культурой планетарной. Эта ассимиляція неизбежна; она ведетъ ко всемірному объединенію людей, она заставляеть думать о работѣ отошедшихъ поколѣній съ чувствомъ почтительной благодарности, она возбуждаетъ рабочую энергію въ настоящемъ и обѣщаетъ людямъ сказочно-прекрасное будущее.

„Демократія, всюду постепенно и неуклонно завоевывая свои права, все болѣе ясно понимая безпредѣльность своихъ коллективныхъ силъ, не можетъ не понять, что насиліе государства надъ свободнымъ стремленіемъ людей къ самоопредѣленію валеживающихъ силъ міра, искусственно утверждая тяготѣніе челоука и племени къ отъединенію отъ міра, отъ вселенской работы.

„Мы должны, наконецъ, понять, что вся сила нашего врага—въ нашей неорганизованности, и что намъ слѣдуетъ стремиться къ всероссійскому единенію.

„Пусть каждый свободно живетъ и работаетъ на землѣ, удобренной прахомъ его предковъ, украшенной ихъ великой работой, и тогда всѣ мы почувствуемъ себя въ нашей Россіи, какъ дѣти на груди матери. Дажному—свое, и всѣмъ—все доброе.

„Россіи демократической не нужны и вредны проповѣдники московскаго централизма,—ей нужны люди, которые изо дня въ день, упрямо, неотвязно, неустанно говорили бы:

— „Друзья, братья, товарищи, „русичи, солнцевы внуки!“.

„И религія, и наука, и современная практика жизни,—вся работа міра внушаетъ вамъ одинъ и тотъ же лозунгъ на всѣ времена:

— „Въ единеніи—сила“ !“

Этимъ призывомъ М. Горькій оканчиваетъ свою статью.

Она будетъ напечатана въ сентябрьской книгѣ „Украинской Жизни“, которая выйдетъ на-дняхъ. („Рус. Сл.“)